

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА И В. БРЮСОВА

Концепт «Счастье» является значимым концептом в русской языковой картине мира, исследованию которого посвящены работы С.Г. Воркачева, В.А. Масловой, О.М. Михайленко, И.Б. Русаковой, А.Д. Шмелева. В поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова концепт «Счастье» играет важную роль в раскрытии специфики эмоциональной концептосферы. Д.Л. Быков пишет о роли *счастья* в мироощущении Б. Пастернака: «<...> он весь был нацелен на счастье, на праздник, расцветал в атмосфере общей любви, а несчастье умел переносить стойчески. <...> Пастернак тает от счастья, растворяется в нем <...>» [3, с. 11]. Причем «в пастернаковское счастье неизменной составляющей входит трагизм, но «трагическое переживание жизни» – не нытье и сетования, а уважение к масштабу происходящего» [3, с. 13]. Брюсовское *счастье* акцентируется на положительном мировосприятии, утверждении светлого начала в жизни.

Ядерное содержание концепта «Счастье» включает понятийную составляющую, которая содержит признаки, отражающие представления поэтов о *счастье*, оценочные и ценностные характеристики эмоции. Понятийные признаки раскрываются прежде всего через традиционные значения. Так, в поэтических произведениях Б. Пастернака через значения ‘состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью’ [5, с. 782] реализуется понятийный признак **«счастье как причина действия / состояния»**: *К реке спускался вне себя / От счастья, что и он, дробя / Кавалерийским следом лед, / Как парные коньки, несет / К реке – счастливый карапуз*, [5, с. 19]. В поэтических произведениях В. Брюсова данный понятийный признак отражает противоречивую оценку эмоции: с одной стороны, *счастье* вызывает приятные воспоминания, оно желанно: *Было счастье мило и в мечтах, / И память поцелуев нежно греет* [2, с. 516], с другой – в нем не нуждаются: *Есть миг, когда и счастья не нужно* [1, с. 203]. Через указанное значение в поэзии В. Брюсова раскрывается понятийный признак **«переживание счастья с указанием и без указания его причины»**: *Счастливы тот, кто утром встанет, / Позабыв про ночь и тень. / Счастлив цвет, что быстро вянет, / Что цветет единый день* [1, с. 50]; *Кончив блужданье, / усталый, счастливый, вот я – у цели!* [1, с. 126]. Лирический герой в стихотворении «Поэт – муза» признается: *Я каждый трепет, каждый вздох счастливый / Вместить стремился в стих* [1, с. 65]. Обращаясь к ветру, поэт восклицает: *Ветер, ветер! ты, ретивый, / На конях взвиваешь гривы, / Ты в полях волнуешь нивы, / В море крутишь волн извивы! / Много вас! вы все счастливы!* [1, с. 350].

Понятийный признак **«переживание счастья с указанием и без указания его причины»** в лирике обоих авторов реализуется и через значения

‘успех, удача’ [4, с. 783]: *О, счастье: зеркало – цело, / Я им напутствием – не выжит* [5, с. 384]; *Лихие игроки, фехтуя кием, / Кричат кому-нибудь: счастливый путь!* [5, с. 216]; *Да, наш учитель знает, / Что посчастливилось тебе однажды / Найти в Египте, как бы диво, свиток / Атлантов* [2, с. 127]. «**Причина счастья**» в поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова связана с событиями повседневной жизни: *Но открытой отдушины дырочка, / Осчастливив столицей извне, / До последней отсчитанной выручки / Утешеньем единственным мне* [5, с. 371]; *Счастье-то! нынче суббота!* [2, с. 219], с отношением к жизни: *Ты – край, где женичины в Путивле / Зегзицами не плачут впредь, / И всей правдой их счастливлю, / И ей не надо впредь смотреть* [5, с. 254]; *И будешь счастлив ты дождем, и зноем, / И вечной близостью к земной тревоге* [2, с. 255]. У Б. Пастернака переживание счастья связано с эмоциональным состоянием героя: *К реке, – счастливый карапуз, / Счастливый тем, что лоск рейтуз / Приводит в ужас все вокруг* [5, с. 19], с героическими поступками: *Ты понял, что праздность – проклятье / И счастья без подвига нет* [5, с. 336], у В. Брюсова – с любовными отношениями: *Я счастлив был, что из своих признаний / Тебе сплету венок* [1, с. 65]; *Был счастлив вздохом уст твоих!* [2, с. 177], с отношением к судьбе: *Я счастлив роковой судьбой* [1, с. 179], с творческим процессом: *О, господи, какое счастье / Быть художником!* [2, с. 274], с отношением к людям: *Я очень счастлив видеть у себя / Столь славного товарища <...>* [2, с. 127], с событиями в общественной жизни: *И горд и счастлив тем, что Сену / Гранитом русским оковал* [2, с. 214]. Кроме этого, у В. Брюсова значения ‘удача, успех’ раскрывает понятийный признак «**вера в возникновение счастья**»: *За склоном жизни, как теперь, / В мечту, в любовь и в счастье – верь!* [1, с. 86].

В поэтических текстах Б. Пастернака эксплицируется понятийный признак «**счастье как эмоциональное состояние героя**»: *Неслись облака, и точильщик был счастлив, / Что столько на свете у женщин ножей* [5, с. 115]. Ощущение счастья в пастернаковской поэзии связано с социальной жизнью страхи: *Счастлив, кто целиком. / Без тени чужеродья, / Всем детством – с бедняком, / Всей кровью – в народе* [5, с. 285]. Сопоставление счастья многих со счастьем единиц отмечено в контексте, где содержится дифференциальная сема (далее Д-сема) ‘благополучие’: *Или я не знаю. Что в потемки тычась, / во век не вышла б к свету темнота, / И я – урод, и счастье сотен тысяч / Не ближе мне пустого счастья ста?* [5, с. 122].

В брюсовском стихотворении «Да, можно любить, ненавидя» манифестируется понятийный признак «**качественные характеристики счастья**», посредством лексем *счастье*, в одной подчёркивается ценность возлюбленной и актуализируется семный конкретизатор ‘сконцентрированность на счастье’: *Да, можно любить, ненавидя. / Любить с омраченной душой, / С последним проклятием видя / Последнее счастье – в одной!* [1, с. 37].

Неразрывную связь счастья с любовными отношениями отражает понятийный признак «**любовные переживания счастья**», что позволяет

судить о контаминации концептов «Счастье» и «Любовь»: *Он думал; «Где она – сейчас, сегодня?» / И слышал рядом: «Шелк. Чулки. Портвейн». / «Счастливей моего ли и свободней / Или поработанней и мертвей?»* [5, с. 245]; *Пусть к счастью вскроются врата! / Пусть склоняются, безумно-скоры, / К устам возлюбленным уста!* [1, 172]. Данный признак синкретизируется со значением 'предмет любви', которое у Б. Пастернака представлено лексемой *счастливые*, содержащей Д-сему 'влюбленные': *Счастливые часов не наблюдают, / Но те, вдвоем, казалось, только спят* [5, с. 109] (аллюзия на «Горе от ума» А.С. Грибоедова), у В. Брюсова – лексемой *счастливыцы*, имеющей Д-сему 'герои-любовники': «<...> *Клянусь, под смертную секирой / Глава счастливецев отпадет!*» [2, с. 442].

Состояние *счастья* в брюсовской поэзии передано посредством природных образов, которые отражают понятийный признак **«проявление счастья в мире природы»**: *И о счастье ветер летучий / Тебе шептал, как в бреду* [1, с. 368], *Нет горя! Не споря с порывом, душа / Вся – пень! в волненьи счастливом спеша – / На воле, там, в поле, росточком восстать, / На склонах зеленых листочком дрожать!* [2, с. 431], *Далей властный звук / К счастью ближе звал, / Страстью движа вал!* [2, с. 480].

Наблюдаются контексты, в которых отражен понятийный признак **«кратковременное переживание счастья»**: *Не вызвать и клинком ножа / Того, чем боль любви свежа. / Того счастливейшего всхлипа, / Что хлынул вон и создал риф* [5, с. 93]; *Что счастлив ты лишь промежутками / Меж явью, сумрак возлюбя* [1, с. 294]. В поэтических произведениях Б. Пастернака и В. Брюсова понятийные признаки **«наличие счастья»** и **«отсутствие счастья»** реализует оппозиция **«счастливый / несчастливый»**. У Б. Пастернака данная оппозиция отражает отношения между мужчиной и женщиной: *Счастливая, я девушке скажу. / Когда-нибудь, и с сотворенья мира / Впервые, тебе слушают, как баржу, / На волю дней. На волю их буксира. / Несчастливая, тебе скажу, жене / Еще не позабытых походов. / Несчастливая за тем, что я вдвойне / Люблю тебя за то и это рвень!* [5, с. 387], у В. Брюсова – имеет онтологический характер: *Что наша жизнь? Несчастный случай!* [1, с. 87]; *Но эти тысячи, порой несчастных, / Порой счастливых, пережитых дней, –* [1, с. 212].

Таким образом, понятийная составляющая концепта «Счастье» в поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова раскрывает значимость *счастья* в отношениях между мужчиной и женщиной, в социальных отношениях, в творческом процессе, в существовании мироздания. Неоднозначность представлений о *счастье* говорит о глубоком, целостном мировосприятии поэтов.

1. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П.Г. Антокольский [и др.]. – М. «Худож. лит.». – 1973. – 496 с.: Т. II: Стихотворения 1909 – 1917.

2. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П.Г. Антокольский [и др.]. – М. «Худож. лит.». – 1974. – 696 с.: Т. III: Стихотворения 1918 – 1924, стихотворения, не включенные В.Я. Брюсовым в сборники 1891 – 1924, поэма «Египетские ночи».

3. Быков, Д. Л. Борис Пастернак / Д. Л. Быков. – 6-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 893 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. – 944 с.
5. Пастернак, Б. Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА – КНИГА», 2008. – 1279 с.
6. Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов / под. ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 910 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ